

в школы русские. Он домогался от Польского приказа, т. е. от тогдашнего министерства иностранных дел, постановления, чтобы иностранцы «отною православных христиан Российского государства во учение к себе не принимали и не учили, а учили бы они токмо в слободе у себя по своему преданию своих людей». Это указание касалось и немецкой школы Глюка и иезуитской, ибо далее читаем: «а римские посланники ксиондзы не дерзали бы отною ничего творити, ни училища становити, ни детей православных к себе во учение принимать, ни дарами их прельщать, ни действия какова на прельщение православных исправлять».³¹ Милану и Беруле удалось, кажется, предотвратить издание общего запрещения,³² однако положение их школы не было совершенно защищено от подобных нападков впредь. И это при том, что в «памяти», т. е. в меморандуме Яворского, нет прямых упреков в совращении детей в католичество, но подчеркивается только соблазнительность для детей «даров», подарков, т. е. скорее всего наград, а также «прельщение» школьными театральными представлениями и действиями, которые, правда, ввели в Москве еще раньше иезуитов учителя школы самого Яворского.³³

На опасность иезуитской школы для веры русских учеников указывал еще ранее патриарх Адриан, умерший в 1700 году. Он обратил внимание самого царя Петра на это обстоятельство, но царь, как передавали иезуиты, будто бы ответил: «... Почему же ты не учишь юношей, чтобы они могли в свою очередь обучать наших детей?»³⁴ Патриарх Адриан оставил запись своей беседы с царем, состоявшейся в 1700 году. Царь в разговоре подчеркнул, что ему хорошо известно о желани многих «детей своих учить свободных наук», почему они и отдают «иныи зде иноземцам, к сему же иных вер». Петр I сознавал, что «при учении том» иноземцы «малым детям и ереси свои знати показывают, от чего детям вред и церкви нашей святой может быть спона велия, в речи своей от неискуства повреждение». Однако, по мнению царя, бездеятельность русской церковной власти ставила русских людей в необходимость пользоваться помощью иноземцев и иноверцев.³⁵ Петр был защитником иезуитской школы и позже, когда уже была основана Яворским собственная русская школа силами киевских ученых богословов. Петр, видимо, ценил иезуитов как педагогов и не соглашался закрыть их училища в Москве. По сведениям московских миссионеров, такую позицию занимал он и

³¹ О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века (1701—1715). Документы Московских архивов, собранные А. Н. Зерцаловым и С. А. Белокуровым. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1907, кн. 1, отд. 1, стр. 233—234.

³² Письма и донесения, №№ 299 (110), 360 (185).

³³ Там же, №№ 271 (76), 290 (100), 358—359 (182—183), 360 (104).

³⁴ Там же, № 253 (60).

³⁵ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, стр. 512; С. М. Соловьев. История России. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 1356; С. Г. Рункевич. Архиепер петровской эпохи в их переписке с Петром Великим, вып. 1, СПб., 1906, стр. 106.

Н. Лыжин в 1859 г. (Летописи Тихонравова, т. I, отд. III, стр. 63—68) высказал предположение, что эта запись разговора Петра I с патриархом не подлинна, а является подлогом пера Артемия Вольнского, но уже П. Г. Знаменский правильно отверг такое подозрение (Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881, стр. 7, прим.); наличие бесспорной современной записи решительно подтверждает подлинность беседы. Ср. с рукописью Государственного Архива, воспроизведенной в сборнике: «Петр Великий в его изречениях». Составил В. Строев. СПб., 1910, стр. 67—68 70—71, и в сборнике «Законодательные акты Петра I». Составил Н. А. Вознесенский, М.—Л., 1945, стр. 33—34, датировано 4 окт. 1700 г.